

Валентина Голубовская

«...Божественная Нина Аловерт!»

Нина Аловерт – один из самых известных балетных критиков, чьи статьи о балете публикуются в самых престижных изданиях США, Европы, России и Японии... И не только статьи, но и книги о Михаиле Барышникове, Николае Цискаридзе и других выдающихся мастерах искусства Терпсихоры с текстами и фотографиями автора высоко оценены в мире балета.

Под большинством фотографий в книгах о Сергее Довлатове и книгах самого Довлатова стоит подпись – «Фото Нины Аловерт». Ее же фотографии можно встретить и в книгах об Иосифе Бродском, и о других – из замечательной питерской плеяды.

...Я помню Нину Аловерт со своих университетских лет в Ленинграде. Хотя я училась на кафедре истории искусства, но часто бывала на кафедре истории Средних веков. Ходила слушать спецкурс профессора М.А. Гуковского, посвященный Леонардо да Винчи. Это было настоящее погружение во времена Леонардо – детали, подробности, запомнившиеся на всю жизнь драгоценные мелочи этой прекрасной эпохи.

Нина была ассистентом, аспирантом, душой кафедры медиевистики.

Она была молодой прелестной женщиной, и мне казалась воплощением той благородной петербургской породы людей, на исчезновение которой жаловались коренные петербуржцы и в те далекие шестидесятые годы.

Живой ум, доброжелательность, приветливая улыбка и легкая ирония вспоминаются мне, больше наблюдавшей ее со стороны. С благодарностью вспоминаю, что благодаря Нине Аловерт я посмотрела почти все спектакли в Театре комедии – театре Николая Акимова.

Николай Павлович Акимов был не только замечательным художником и режиссером, но и человеком, сохранявшим завидную молодость души. Перед премьерой он устраивал «прогоны» для студентов. Нина (позже она станет заведовать музеем при Театре комедии – театре Николая Акимова) и на нашу кафедру приносила приглашения-контрамарки на эти предпремьерные прогоны.

Уже в те годы Нина не расставалась с фотокамерой. Простившись с медиевистикой, Нина Аловерт стала балетным, театральным фотографом и критиком, присоединив к искусству света искусство слова.

С 1977 года Нина живет в США.

Как книги о мастерах балета, статьи в журналах, посвященных балету, так и выставки фотографий Нины Аловерт в самых престижных выставочных залах и галереях становятся событием в культурной жизни многих столиц.

Нине Аловерт писали восторженные посвящения многие, в частности, Сергей Довлатов на каждой своей книге, подаренной Нине, писал веселые, порой иронические и грустные строки, вот хоть эти – первое из посвящений:

«О! Если б мог в один конверт
Вложить я чувства, ум и страсти
И отослать его на счастье
Милейшей Нине Аловерт!..
Тогда бы дрогнул старый мир
И начался всеобщий кир!

15 ноября 79. New York. С. Д.»

А мне запомнился мадригал в ее честь в факультетской стенгазете – полвека тому назад:

Сам Аполлон перед тобой лишь жалкий смерд.
Все девять муз тебя талантами венчали.
Живи средь нас, не знай печали,
Божественная Нина Аловерт!

Нина Аловерт

Четыре фотонovelлы

Последние дни рождения

1974

Известно, что Михаил Жванецкий и Михаил Барышников были в Ленинграде в очень близких приятельских отношениях. В январе 1974 года мы с Жванецким были на дне рождения у Барышникова, компания была немногочисленная, своих друзей из театра Барышников собирал на другой день. Жванецкий сделал Барышникову «царский» подарок – свой новый рассказ. Этот рассказ, который он и прочитал всем гостям, начинался так (пишу по памяти): «Звучит легкая, очень легкая румынская легкая музыка. По дороге бежит человек с веревкой на шее. На работе на него накричали. Дома на него страшно накричали. Он бежит и пробует пальцем веревку...».

На фотографии – тоже снято застолье несколько позднее, весной того же 1974 года, в Доме искусств (Доме актера) на Невском проспекте. Что мы праздновали, не помню. Возможно, день рождения Жванецкого. По правую руку сидит Кира, которую мы тогда в нашей ленинградской компании называли подругой Жванецкого. Миша читает свои рассказы. «А, вот это мне нравится!» – восклицает он нараспев – этот момент виден на фотографии. К сожалению, остальная съемка не сохранилась. А дальше произошло вот что. Где-то уже часов в 11 вечера прибежал веселенький Барышников в сопровождении милой барышни, одетой в длинное светлое платье типа «татьянки» (так называли модные тогда платья, перетянутые под грудью, какие носили пушкинские героини). Барышников поздравил Жванецкого, но оставаться с нами за столом не мог, он уезжал в Москву, впереди у него было выступление в Большом театре, а затем поездка в составе гастрольной группы танцовщиков – в Канаду, откуда он больше к нам не вернулся.

Через три года и я уехала в Америку, немного позднее – Кира. Но что мы знали об этом весной 1974 года? Веселый Жванецкий

читает свои гениальные рассказы, я снимаю просто для памяти, и молоденький Барышников смеется за пределами этого случайно сохранившегося кадра.

Бродский 1984

Фотография снята во время выступления Иосифа Бродского перед русской аудиторией в Нью-Йорке. Выступал Бродский в Сохо, в новой галерее Эдуарда Нахамкина (прежняя находилась на авеню Медиссон). На стенах были развешаны фотографии Бродского ленинградского периода, снятые другом поэта Львом Поляковым. В зале, где яблоку некуда было упасть, собралось человек пятьсот. Бродский был в хорошем настроении, много читал. Я снимала. Наверно, я спросила у него заранее разрешения. Снимала и во время чтения, хотя старалась делать это не чересчур часто. Но сидевшие вокруг трибуны, за которой стоял Бродский, его знакомые, страшно возмущались моей «бестактностью». Я это обнаружила только тогда, когда напечатала фотографию, поскольку во время чтения, естественно, никто мне замечания не делал. Слева от трибуны сидят друзья Бродского, литературовед Геннадий Шмаков (ближе к трибуне), затем Роман Каплан, в то время – владелец ресторана «Русский самовар», который являлся своеобразным русским клубом в Нью-Йорке. Справа неизвестные мне люди у подножья трибуны тоже возмущенно на меня взирают. Все они просто испепеляют меня взглядами. И только Бродский не обращает никакого внимания на меня и щелчки моего аппарата и упоенно читает свои стихи внимающему ему залу.

Барышников в Ленинграде

Зимой 1972 года Михаилу Барышникову, «восходящей звезде» Кировского балета (Мариинского театра), предложили сняться на Ленинградской студии телевиденья в адажио из «Жизели». Он

пригласил Наталью Бессмертнову, прима-балерину Большого театра, в качестве партнерши. Это была дерзость с его стороны по тем временам: самому выбирать себе партнершу, да еще из другого театра. Придя на студию, я увидела Мишу сидящим на подоконнике. «Я ушел из театра», – сказал он мне вместо приветствия.

Оказывается, утром этого дня Барышников пришел к директору театра П.И. Рачинскому просить разрешения репетировать с Бессмертновой в театре. Директор не только отказал, но и добавил: «Я запрещаю тебе сниматься с Бессмертновой. У нас достаточно своих балерин в театре. Что же, они – хуже?». Рачинский, в прошлом – пожарник, личность властная и амбициозная, управлял театром, как своей вотчиной. Ему в голову не могло прийти, что танцовщик, пусть к тому времени уже и знаменитый, посмеет его ослушаться. Но Миша был другой человек. Когда дело касалось его творческой жизни, он отстаивал свою позицию, не боясь вступать в конфликт с начальством. Барышников написал заявление об уходе из театра, оставил его в дирекции и уехал репетировать с Бессмертновой в студии телевидения. История мгновенно разлетелась по всему театру. В середине дня на студии стали появляться артисты, занятые в других съемках. Реакция была парадоксальной, многие осудили Мишу. Запуганные, привыкшие к повинению люди, не могли простить Барышникову, что он посмел... Новость разлетелась по городу, и на репетицию стали стекаться друзья Миши, балетные критики, сотрудники ТВ.

Дальнейшие события развивались быстро: заявление Барышникова об уходе аннулировали. Балетная молва сейчас же создала легенду: Рачинский поехал с заявлением Барышникова в высшие партийные инстанции, где ему сказали, что он может подписать это заявление, но пусть рядом положит и свое – тоже об уходе из театра, и оно тоже будет подписано. Рано утром (согласно той же версии) за Мишей приехали на черной «Волге» два секретаря директора, буквально вытащили его из постели и повезли в театр. Рачинский стоял на пороге театра с распостертыми объятиями и говорил укоризненно, но ласково: «Что же ты, Миша! Я ведь люблю тебя, как родного сына!». Конечно, это легенда, но Рачинский действительно не мог уволить

из театра танцовщика, без которого театр не приглашали на гастроли заграничные импресарио.

Но как бы ни происходили события на самом деле, все это было потом. А в тот незабываемый день в атмосфере нервозности, зависти и восхищения Жизель Бессмертной и Альберт Барышников казались существами иного мира, а их дуэт виделся нам символом вечной любви и красоты, неподвластной времени и злобе дня.

Не знаю, что стало с той пленкой, на которую был снят дуэт, говорят, ее «смыли», как только стало известно, что Барышников остался на Западе. У меня же сохранились мои фотографии.

Мистическое искусство фотографии

Любое искусство – немного мистика. Почему композитор слышит музыку? Почему художник видит краски на холсте? Кто подсказывает слова писателю? «Напрасно, художник, ты мнишь, что своих ты творений создатель», – писал поэт А. Толстой.

В искусстве фотографа тоже достаточно загадочных моментов. Мне приходилось не раз замечать такой факт: два фотографа стоят рядом, снимают одного и того же человека, а выражение лица у этого «одного и того же человека» на их фотографиях – разное. Когда я снимаю портрет человека в жизни или артиста на сцене, для меня самое главное войти с ним в невысказанный в словах контакт. Не хранят ли потом фотографии эту мгновенную душевную связь фотографа и того, кого он снимал?

С Сергеем Довлатовым я познакомилась в 1989 году, когда, приехав в Нью-Йорк, он впервые выступил перед русской аудиторией с чтением своих маленьких рассказов-зарисовок, названных потом «Соло на ундервуде». Там я и сняла эту фотографию. Довлатов недовольно посмотрел в мою сторону и спросил у своей знакомой: «А это еще кто?!».

После этого я снимала Довлатова на протяжении всей отпущенной ему жизни.

Летом 2011 года по приглашению главных редакторов петербургского журнала «Звезда» я готовила выставку фотогра-

фий Довлатова: это было мое участие в конференции, посвященной писателю. Я часами сидела в своей американской квартире за столом, буквально заложеным кипами снимков разных размеров, отбирала материал для выставки. Затем также часами сидела у компьютера, увеличивая сканированный снимок, вглядывалась в лицо на портрете: не пропустила ли каких-нибудь огрех, которые надо заделать в фотошопе? Однажды среди бела дня ко мне пришел водопроводчик чинить кран. Он возился на кухне за моей спиной, я разбирала фотографии на столе. Вдруг зазвонел телефон, но не мой домашний, а, по-видимому, мобильный, хотя звук был незнаком, поэтому я сначала не реагировала. «Это не мой телефон звенит, это ваш», – сказал водопроводчик. Я никогда не помню, куда я положила свой мобильный телефон. Звук шел из-под фотографий на столе, я наскоро порылась в снимках, но телефон не нашла. Вечером я разговаривала по своему домашнему телефону с подругой. Опять на столе зазвонил телефон. «Ответь, – сказала подруга, услышав звонок, – спроси, кто, я подожду». Я не хотела прерывать разговор. «Потом посмотрю, кто звонил». Позднее я вспомнила про звонок и стала искать свой мобильник. Я убрала со стола все фотографии, но нашла его в сумке в другом конце комнаты. Мобильник был отключен.

Разумного, нормального, реалистического объяснения этому факту у меня нет.

Нью-Йорк

